Борис Игоревич Козлов
кандидат технических наук, доктор философских наук,
профессор, действ. член Росс. академии космонавтики
им. К.Э. Циолковского; гл. н. сотр., руков. группы
«История РАН» Архива РАН;
профессор Росс. академии гос. службы при Президенте РФ

ЭКСПЕРТИЗА И ГРАНТЫ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И НАУКИ

В статье особенности грантового финансирования научной деятельности и экспертной оценки ее результатов рассматриваются с позиций институциональной теории, развиваемой до сих пор, главным образом, в экономике и политологии. Автор обосновывает вывод об актуальности ускоренного развития в России института государственных самоуправляемых и независимых научных фондов как перспективной формы самоорганизации научного сообщества, теоретические и методологические основания которой должны быть разработаны в рамках политического науковедения.

Грантовая форма финансирования и способы экспертной оценки результатов разных видов деятельности известны достаточно давно. И за рубежом, и в нашей стране накоплен значительный опыт их разработки и практического применения. Так, в индустриальную эпоху, по мере развития технологий поточного производства, сначала на Западе, а затем и в СССР, получили широкое распространение адаптированные к нему разнообразные (в том числе и экспертные) системы оценки и контроля качества промышленной продукции. Результаты теоретического обобщения их методологических оснований были осмыслены в 70-е гг. XX в. как новая область междисциплинарных научных знаний — квалиметрия [1, с. 155—163]. Некоторые из таких систем (особенно основанные на статистических методах оценки качества массовой продукции) оказались весьма эффективными. Важным результатом того времени следует признать также выявление методологических пороков полностью формализованных процедур оценки эффективности сложных видов деятельности и функционирования мультимодальных технических систем. В частности, было показано, что именно поэтому оказались безуспешными попытки партийно-государственных институтов максимально формализовать оценку результатов творческого труда ученых и научных коллективов, полностью устранив из нее субъективные факторы[1]. Показатели качества (например, эффек-

[1] Заметим, что в последнее время наблюдается своего рода бюрократический ренессанс: аппарат управления наукой пытается возродить формализованные системы оценки эффективности труда ученых и коллективов по сумме набранных ими баллов, как это делалось некогда при подведении итогов «социалистического соревнования».

тивности) научной деятельности должны корреспондировать с ее — по определению, субъективной — целевой функцией, и поэтому не могут быть редуцированы к «обезличенным» всеобщим (в том числе — экономическим) индикаторам. Это значительно повысило рейтинг методов независимой экспертной оценки, лишенных данного недостатка. Но, с точки зрения властных структур, широкое распространение этих методов было нежелательным, так как ослабляло контроль институтов власти за решениями, принимаемыми научным сообществом (представленным независимыми экспертами) на их основе. Так, стало ясно, что успешность любой схемы оценки результатов научной деятельности существенно зависит не только от ее специфики, но и от особенностей институциональной системы, определяющей отношения государства и науки, в рамках которой она применяется. К сожалению, не только практическое, но и методологическое значение вытекающих отсюда теоретических проблем, не говоря уже об их связи с особенностями институциональных отношений между государством и наукой, не привлекло должного внимания исследователей и организаторов науки, мало знакомых с идеями институционализма. Между тем, и попытки принудительного «внедрения» формализованных правил «автоматической» оценки эффективности научной деятельности, удобных для реализующего властные функции аппарата управления, и «самодеятельное» сопротивление этим бюрократическим новациям со стороны научных работников, отстаивавших свободу творческого труда и право на независимую от управленческого аппарата содержательную оценку получаемых научных результатов, имели серьезные причины, укорененные в природе, особенностях и генетических различиях институтов государства и науки.

Институциональный подход основан, как известно, на идее институтов[2] как основной единицы анализа общественных отношений[3]. Основы институционализма как учения об отношениях между обществом и личностью, а также как одного из источников политической науки заложил на рубеже XIX и XX вв. Т. Веблен [2]. М. Вебер определил институты как социальные образования, учреждения, сообщества, в которые индивиды включены не по желанию, а соответственно ориентации их поведения на принятые в данном институте рациональные установки. Аппарат принуждения, определяющий характер такой ориентации, является одним из атрибутивных признаков института [3, с. 536—537; 645]. По Д. Норту, институты — «структурные формы человеческих взаимодействий, сочетание правил, механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и норм поведения» [4, с. 79]. К числу важнейших институтов общества относятся корпорации, профсоюзы и политические партии [5, с. 325]. В более широком понимании институты

---

[2] «Институт» от лат. institutum — установление, учреждение, обычай.

[3] Исторические и гносеологические корни институционального подхода уходят в античность. Государственно-правовые аспекты институционализации исследовали Гоббс, Гегель, Маркс, Спенсер, Дюркгейм и др. В экономических науках институционализация отношений субъектов деятельности исследуется с XIX в.

представляют собой специфическую форму опредмечивания и средство осуществления человеческой деятельности и общественных отношений [6, с. 13]. Известно, что современный институционализм представлен множеством школ, развивающих различные направления и идеи[4], положенные в основу разнообразных моделей институциональных (в том числе — политических) систем [8, с. 936]. Разработка институционального подхода в экономике и политологии привела к значительному расширению их предметного поля за счет включения в него исторической, философской и социокультурной традиций, аксиологических аспектов экономической, политической и научной деятельности, не только формализованных, но неформальных, «теневых» отношений. Но, вопреки тому что близкая по постановке и философско-методологическим основаниям теоретическая проблематика уже выявлена в ходе проводимой в стране реформы институциональных отношений государства и науки, результаты их изучения и сегодня остаются мало востребованными организаторами науки.

Сегодня, когда завершение реформы принципов и правил взаимодействия институтов государственной власти, с одной стороны, и науки, с другой стороны, является одной из ключевых проблем перехода Российской Федерации к устойчивому развитию её экономической, социокультурной и политической жизни, теоретико-методологическое обоснование процедуры объективной оценки результатов и эффективности научной деятельности в новых исторических условиях становится одним из приоритетных направлений отечественного обществоведения. Однако, на фоне болезненных для общества глубоких преобразований социально-экономического строя России, эта задача далеко не всем представляется фундаментальной и неотложной. Пониманию актуальности установления качественно новых, отвечающих современным требованиям, подверженных общественному контролю, легитимных отношений между государством и наукой препятствует, с одной стороны, дефицит необходимых для этого теоретико-методологических знаний, а с другой стороны — традиционное для российской власти недоверие к «высоким» теориям и основанным на них практическим рекомендациям ученых. Не раз отмечавшаяся в литературе «невосприимчивость» советского государственного и ведомственного аппарата управления научной деятельностью к теоретическим построениям стала причиной того, что задача обоснования моделей организации научной деятельности, пригодных для практического применения, «выпала» тогда из предметного поля общественных наук. Современные теоретическая и прикладная политические науки, комплекс науковедческих дисциплин, философия, история, психология, экономика и социология исследуют каждая достаточно сложные, специфические стороны науки как социального института и системы знаний. Что же касается обеспечения методологической сопоставимости получаемых

---

[4] Различают институционализм: нормативный, рационального выбора, исторический, эмпирический (структурный), социетальный, институционализм в исследованиях внешней политики и международных отношений; см. [7, с. 19—20].

при этом результатов и, тем более, координации проводимых разнородных исследований и интеграции их как единой области теоретических знаний о науке, способной послужить основанием установления новых эффективных отношений политической власти и науки, то постановка этих задач до сих пор представляется еще не вполне созревшей [9, с. 75—90]. Разработка общего для них инструментария институционального метода, необходимого для применения в данной области, еще не вышла из начальной стадии развития даже применительно к экономическим проблемам [10]. Все это сдерживает целенаправленное формирование перспективного механизма взаимодействия власти и науки в современной России, усугубляет недостатки в применении действующих правовых норм, способствует дальнейшей разрегулировке институтов согласования политических интересов государственной власти, с одной стороны, и атрибутивных для научного сообщества стремлений к свободе интеллектуального творчества, с другой стороны. Попытки же преодолеть дефицит теоретических знаний в данной области посредством прямого переноса в условия Российской Федерации апробированных на Западе норм и правил не только не решают проблему, но еще и обостряют конфликт интересов, менталитетов и ценностных ориентаций субъектов научной, социокультурной и политической деятельности в нашей стране.

К сожалению, некоторые из современных проектов реформирования институтов науки в РФ возрождают не лучшие традиции советского времени, когда ответственные научно-организационные решения принимались без достаточного учёта специфики научной деятельности. При этом, как и прежде, не проводится опережающий теоретический анализ причин, возможных последствий и ожидаемых результатов предлагаемых преобразований. В разработке и экспертизе проектов реформирования науки не участвуют ведущие специалисты в области истории, экономики, социологии и общей теории науки. Действующие институты науки дифференцируются не по атрибутивным характеристикам научного знания и деятельности, не по целям и задачам науки, которые они решают в интересах общества и государства, наконец, не по принципу учета различных интересов социальных групп, выделяемых в научном сообществе, а по формам собственности на основные фонды, здания, земельные участки, обеспечивающие условия для функционирования науки. Ожидаемые результаты основанной на таком подходе реформы институтов науки не моделируются, и прогнозируются в предельно общей форме, что, конечно, недостаточно для их экспертизы.

Одной из острых проблем организации научной деятельности в нашей стране до сих пор является установление рационального соотношения контуров управления, порядка и объемов финансирования фундаментальных и прикладных исследований. По моему мнению, «живучесть» этой проблемы укоренена в исторически сложившемся и до сих пор не преодоленном формальном разделении институтов фундаментальных и прикладных исследований по ведомственной принадлежности. Можно показать, что возобладавшая в советский период идея разделения научно-исследовательских коллективов и организаций по ве-

домственной принадлежности на три относительно самостоятельных подсистемы — академическую (главным образом, фундаментальную), отраслевую (преимущественно, прикладную) и вузовскую (смешанную) «науки», — с самого начала тормозила механизм «внедрения» прикладных результатов фундаментальных исследований в хозяйственную практику. В условиях снижения эффективности централизованной экономики СССР руководство страны пыталось преодолеть ведомственную разобщенность научно-технической деятельности посредством организации программно-целевого планирования. Совместные постановлений ЦК КПСС и СМ СССР об особом порядке финансирования и организации научных исследований по наиболее ответственным крупномасштабным проектам, в самом деле, ломали ведомственные перегородки. Они узаконивали совместную координированную деятельность институтов государства, отраслевых ведомств и науки как фундаментального, так и прикладного характера в рамках общей, относительно самостоятельной, финансируемой из бюджета по целевому (грантовому) принципу, межведомственной программы. Это повышало эффективность деятельности всех участников данного проекта, но отрицательно сказывалось на общем состоянии народного хозяйства, сохранявшего в остальном установленный в стране порядок планирования и финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Такого рода совместные постановления ЦК КПСС и СМ СССР принимались и тогда, когда надо было решительно «продвинуть» страну по тому или иному направлению научно-технического прогресса, для чего каждый раз выделялись значительные финансовые, материальные и кадровые ресурсы. Но целевое финансирование и программно-целевое планирование отдельных проектов, широко применявшиеся в СССР в 70—80-е гг. XX в., не затрагивали основ сложившейся еще в 30-е гг. жестко централизованной системы институциональных отношений государства и науки, охватывавшей, что важно отметить, не только официально фиксируемые и учитываемые формальные, но и мощные «теневые», неформальные связи ее субъектов.

Затянувшийся демонтаж государственной системы «жесткого» управления научными институтами, коллективами и учеными, получившими так мало, и сделавшими так много для СССР, конечно, должен быть ускорен. Но что должно прийти ей на смену? До сих пор общество не располагает теоретически обоснованной перспективной моделью, адекватной новым историческим условиям системы институциональных отношений между государством и наукой. С точки зрения ученых и научных коллективов, — субъектов производства новых знаний, — функции институтов власти в системе ее отношений с наукой должны ограничиваться постановкой приоритетных социально-экономических и т. п. проблем, и поддержкой институтов науки выделением соответствующих общественных ресурсов в форме грантов. Но государственный аппарат всегда претендовал на большее: такой же, как во всех сферах народного хозяйства, полный контроль (в данном случае — научной) деятельности и право собственности не ее продукцию, исключительное право на принятие независимых от мнения и интере-

сов профессионального сообщества решений, определяющих его социальный статус и выделяемую ему долю вновь производимой стоимости. С учетом этого, требование свободы интеллектуального творчества со стороны ученых и принудительное ограничение этого стремления со стороны государства, конечно, не были злонамеренными. В результате, сложившиеся в XVIII—XIX вв. типичные институциональные отношения между государством и наукой, в действительности, всегда были своего рода компромиссом между этими полярными позициями. Автономия европейских университетов, «академические свободы» всегда сочетались с контролем над научной деятельностью со стороны церкви и государства. В условиях жестокого политического режима СССР, когда власть стремилась соблюсти видимость независимости деятельности Академии наук, на самом деле, ни о какой ее автономии не могло быть и речи. Более того, отношения государства и науки в советскую эпоху «обогатились» еще одним институтом: развитой социальной группой со специфическими интересами — политизированной внутринаучной бюрократией, опосредовавшей эти отношения и практически приватизировавшей функцию согласования интересов государства и научного сообщества. Слом этой системы, конечно, неизбежен. Но организация не опосредованного бюрократическим (государственным и внутринаучным) аппаратом диалога между постсоветскими наукой, обществом и государством оказалась трудной, и не обеспечена до сих пор. Для того чтобы такой диалог поддерживался институциональной системой, должен быть выработан общий для всех его участников язык[5], а также достигнут определенный уровень самосознания ученых и научных коллективов как достаточно организованного, единого сообщества, осознающего самое себя и свои не только частные, но и общие интересы. Действительное, а не только на словах превращение науки в ведущую производительную силу, определяющую уровень общественного богатства, предполагает соответствующее изменение ее социального статуса. Сложность вытекающих отсюда проблем, их недостаточная теоретическая проработка на современном этапе развития науковедения, политологии и научно-организационной деятельности очевидны. Наиболее эффективным путем преодоления этих переживаемых российской наукой затруднений нам представляется ускоренная самоорганизация научного сообщества. Адекватное понимание состояния и действительных потребностей научного сообщества, удовлетворение которых должно стать целью развития самоорганизации как способа изменения его социального статуса, предполагает значительное развитие коммуникативных связей между его членами, обеспечивающих рациональный дискурс, широкое обсуждение и проектирование преобразований институтов науки. Так переосмысление личной ответственности ученого за направления и результаты деятельности, переоценка целей и смысла науки, критика действительных отношений науки и государственной власти, науки и общества, поиск способов социальных действий, способных изменить их в

[5] Что должен обеспечить понятийный аппарат политического науковедения.

желаемом направлении, естественным образом включаются в процесс обоснования нового проекта институционализации научной деятельности в России. Но, как показывает практика, реформаторы науки в современной России избрали иной путь, полностью уповав на всесилие рынка как универсального регулятора институциональных отношений науки и государства. Но на эти грабли уже наступали постсоветские реформаторы экономики России. К известным порокам рынка как регулятора общественных отношений в данном случае добавляется еще недостаточно глубокое понимание реформаторами науки ее собственной специфики. При ближайшем рассмотрении оказывается, что, утверждая принцип самоокупаемости как «двигатель» развития российской науки в новых условиях рыночной экономики, его сторонники, явно или нет, исходят из традиционной модели организации всей научной деятельности в РФ как системы институтов фундаментальных и прикладных исследований. В такой модели структура науки представлена двумя относительно самостоятельными подсистемами: базовой подсистемой естественнонаучных исследований, продуцирующей фундаментальные знания о мире, и «питаемой» этими знаниями подсистемой НИОКР — прикладных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, имеющих целью реализацию вновь произведенного научно-технического и технологического знания на рынке, другим субъектом которого являются институты промышленно-производственной практики, опредмечивающие новое знание в материальной продукции. Но если экономический механизм рыночного поведения институтов прикладной науки и промышленности в этой модели, хотя бы на уровне общих представлений, более или менее понятен, то экономика рынка фундаментальных знаний не разработана вовсе.

Особого внимания и отдельного обсуждения, на мой взгляд, заслуживает проблема институционализации отношений государства и научного сообщества в сфере общественных и гуманитарных (или, как все чаще можно услышать, социогуманитарных) наук. Как мы видим, в рассмотренной выше «рыночной» схеме, определяемой расчленением целостной системы науки на фундаментальную и прикладную, специфика социогуманитарных знаний и исследований и их коренное отличие от естествознания вообще не принимается во внимание. Какие последствия будет иметь распространение принципа самоокупаемости научных исследований на сферу общественных и гуманитарных наук, например на философию, историю науки, культурологию? Кто должен стать заказчиком, экспертом, и не только потребителем, но и покупателем продуцируемых в этой сфере новых научных знаний? Или же все институты, ответственные за духовное производство социогуманитарных знаний, должны быть с самого начала выведены из пространства реформы науки, что, по определению, недопустимо?

Пока что универсализация рыночных отношений в сфере научной деятельности, их распространение и на область фундаментального естествознания и обществоведения мыслимы только при активном участии государства, которое в этом случае должно выступать в роли агента рынка: заказчика, оценщика и покупателя фундаментальных и

социогуманитарных знаний, опосредующего дальнейшую трансляцию некоторой их части в область культуры, образования и прикладных НИОКР. Мало того что в этой схеме на бюджет государства, как и прежде, ложатся все риски финансирования поисковых и непродуктивных исследований, возникает еще более сложный вопрос: способны ли действующие институты государственной власти справиться с возникающими здесь сложнейшими проблемами оценки перспектив, конкретных направлений и полученных новых научных результатов без участия самих ученых и научных коллективов? И если без такого участия не обойтись, то как оно должно быть институционализировано в современных условиях? И возможно ли при этом обойтись без деформирующего ситуацию участия обязательного до сих пор опосредующего и заинтересованного звена — неуклонно усиливающей свое влияние научной бюрократии, выдвигающей на первый план не столько интересы науки, общества и государства, сколько собственные интересы? Не рассматривая подробно возникающие в данной связи многообразные проблемы, замечу только, что отсюда вытекает актуальность существенного усиления роли института независимой от бюрократического аппарата экспертизы результатов научной деятельности в системе отношений государства и науки[6].

Многие непреодолимые в рамках традиционной институциональной системы проблемы уж сегодня решаются в новых для нашей страны, созданных по инициативе ученых и при поддержке государственного аппарата РФ, основанных на принципе самоорганизации, адекватных новым историческим условиям, высокоэффективных формах финансирования и регулирования научной деятельности — государственных самоуправляемых и независимых научных фондах.

К настоящему времени возникшие после крушения СССР немногочисленные научные фонды России не только накопили обширный положительный опыт преодоления многих из отмеченных выше трудностей, но в непростых для работы условиях создали и апробировали весьма эффективные процедуры и правила независимой экспертной оценки результатов научной деятельности, так или иначе уже вписавшиеся в действующую систему отношений государства и науки. Другое дело, что уровень теоретического осмысления этого опыта и разработки на его основе развитой методологической, законодательной и нормативной базы, а главное — ограниченные масштабы деятельности этих фондов, к сожалению, все еще не отвечают реальным потребностям государства, общества и науки.

Органическому включению государственных самоуправляемых научных фондов в систему институциональных отношений государства и науки сегодня препятствует, в частности, то, что они финансируются, как правило, за счет государственного бюджета, в то время как непременным условием их высокой эффективности является самоуправление, организуемое и осуществляемое независимо от государства самим

[6] Методы и принципы организации такой экспертизы представлены на сайтах научных фондов РФ.

научным сообществом. Это порождает немалые — в том числе и юридические — проблемы. Действующие государственные структуры все еще с трудом воспринимают новые, недостаточно освещенные в литературе и СМИ научно-организационные идеи. Конечно, нельзя надеяться на то, что ответственный чиновник по собственной инициативе сократит объем контролируемых им финансовых потоков и легко передаст управление ими самоорганизующимся научным сообществам, каковыми являются фонды: слишком высока «цена вопроса» и слишком велики риски и ответственность, связанные с новациями в данной области. Поэтому, прежде всего, научному сообществу следует более полно раскрыть государственному аппарату принципиальные, уже проверенные на практике преимущества фондов перед традиционными формами управления наукой. Очень непростой была и остается по сию пору проблема дебюрократизации институтов науки, сведения к минимуму не только формального, но и неформального влияния внутринаучного и государственного аппарата управления наукой на процедуру и результаты осуществляемой фондами независимой научной экспертизы[7].

Широкое развитие в России разнообразных научных фондов как высокоэффективной и характерной для современной мировой науки формы ее самоорганизации и самоуправления — таким предстает генеральный путь научно-организационной деятельности в нашей стране. Но быстрому преобразованию исторически сложившихся бюрократизированных коммуникаций между учеными и политической элитой России сегодня препятствует не только отсутствие политической воли научной бюрократии и государственных чиновников. Существенным остается вопрос о том, насколько само научное сообщество России способно защитить собственные корпоративные интересы, в удовлетворении которых заинтересована вся реформируемая Россия.

Итак, даже предварительное уяснение особенностей грантового финансирования научной деятельности и экспертной оценки ее эффективности в переходный период выявляет ряд не только методологических и научно-организационных, но и институциональных проблем, без решения которых трудно рассчитывать на практическую пригодность моделей научной деятельности, рекомендуемых сегодня для реализации в процессе развертывающейся реформы российской науки. Наиболее рельефно выявляется узость существующей теоретико-методологической базы, редуцируемой реформаторами к знаниям об экономических отношениях институтов государства и науки, без принципиально необходимого в данном случае учета специфики интеллектуального труда и духовного производства. Отсюда вытекает актуальность существенного расширения предметного поля теоретического анализа, вплоть до границ, определяемых с позиций теории институ-

---

[7] Обширные историко-научные, статистические и аналитические материалы, освещающие многолетнюю работу РГНФ, читатель найдет в монографиях: *Семёнов Е.В.* Явь и грезы российской науки (1996); *его же*. Мерцающий свет науки (2001) [11].

циональных отношений государства и науки в их историческом развитии. Для этого необходимо, прежде всего, преодолеть острый дефицит базовых историко-научных и науковедческих знаний. Разумеется, развертывающаяся реформа российской науки не терпит отлагательств и не оставляет времени на теоретические изыски. Но важно понять, что в рассматриваемой ситуации речь идет не о бесконечных дискурсах и построениях новых остроумных гипотез, а об удовлетворении актуальной потребности практики в формировании корпуса объективных, достоверных и конкретных знаний, способных служить надежным основанием конструктивных решений, обеспечивающих адаптацию системы институциональных отношений государства и науки в России к новым историческим условиям. Вытекающая отсюда ответственность историков — за адекватное понимание прошлого, и теоретиков — за обосновываемые исторической реконструкцией практические рекомендации, — никогда не была столь острой за все время развития отечественного науковедения. С другой стороны, никогда еще не была столь высока и ответственность организаторов науки за состояние научных исследований в данной области. Для окончательного преодоления недостатков сложившейся ситуации потребуется немалое время. Ситуация несколько облегчается тем, что еще до построения и всестороннего обоснования перспективной модели организации научной деятельности в новой России, то есть уже сегодня, могут быть более широко включены в практику некоторые апробированные к настоящему времени новые научно-организационные решения. Как я попытался показать выше, это относится прежде всего к актуальной задаче ускоренного развития в РФ самоуправляемых научных фондов как эффективной формы самоорганизации научного сообщества, органически включенной в систему институциональных отношений государства и науки.

Литература

1. *Козлов Б.И.* Взаимосвязь технических, естественных и общественных наук в квалиметрии // Взаимосвязь естественных и технических наук. М., 1976.
2. *Веблен Т.* Теория праздного класса: экономическое исследование институтов. 1899; его же. Инженеры и система ценностей. 1912.
3. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
4. *Норт Д.* Институты и экономический рост. Историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2.
5. История экономических учений: Учеб. пособие / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М., 2000.
6. *Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б.* Социальные институты: содержание, функции, структура. Свердловск, 1989.
7. *Peters G.* Institutional Theory in Political Science: «The New Institutionalism». L.; N.-Y., 1999.
8. *Gorges M.* New institutionalist explanations for institutional change: A note of caution // Politics. 2001. Vol. 21 (2).
9. *Козлов Б.И.* Политическое науковедение (к постановке проблемы) // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005.

10. *Семигин Г.Ю*. Лауреаты Нобелевской премии — политикам об экономике // Политика об экономике. Лекции нобелевских лауреатов по экономике. М., 2005.
11. *Семёнов Е.В*. Явь и грезы российской науки. М.: Наука, 1996; *его же*. Мерцающий свет науки. Миссия Российского гуманитарного научного фонда. М.: РОССПЭН, 2001.